

И.М.Бунин
 Генеральный директор Фонда
 «Центр политических технологий»

В РОССИИ – ЭПОХА ВЛАДИМИРА ПУТИНА

Вместо предисловия

Краткая предыстория

В конце XX в. цивилизационный вызов России звучал гораздо сильнее и определеннее, чем в XIX в. Тогда заканчивался династический период истории, наступал век индустриализма, и традиционное общество оказалось в кризисе. Оно стояло перед выбором: демократия, тоталитаризм или автократия. С тех пор тоталитарные формы государственного устройства себя скомпрометировали, а вестернизированный вариант развития (разумеется, с присущими различным странам особенностями) распространился на весь мир, исключая его периферию вроде Северной Кореи. В Советском Союзе поняли, что «иного не дано», уже в конце 80-х годов. В условиях постиндустриального общества, роста индивидуализма, высоких требований к качеству рабочей силы невозможны автократические структуры, основанные на принуждении.

Старой советской системе предстояло или рассыпаться в прах, или подвергнуться мутации. Но для мутации не было ни правовой базы, имеющейся на Западе, ни традиции, лежащей в основе восточных обществ. Единственной возможностью оказалось «подражание лидеру», которым в конце 80-х годов стало «творческое меньшинство», по терминологии Арнольда Тойнби. Романтический, эмоциональный порыв этого меньшинства дополнил горбачевскую «революцию сверху» либеральной «революцией снизу». Именно творческое меньшинство создавало новые горизонтальные связи, рушило барьеры, воздвигнутые в период тоталитаризма во всем: в политике, бизнесе, культуре, науке.

Но это творческое меньшинство не смогло включить в процесс перемен массу, находящуюся вне его и изначально ему чуждую. Напротив, чем дальше, тем больше оно дистанцировалось от большинства населения, возникло известное противопоставление «мы – они». Немаловажную роль сыграли и неспособность меньшинства разъяснять свои действия большинству, и компромисс либералов с бюрократией, особенно на ниве приватизации. Тем самым либералы, обеспечив себе поддержку со стороны элиты, окончательно утратили возможность сделать реформы привлекательными для большинства. Если в странах Центральной Европы в приватизации реально приняла участие значительная

часть населения, то у нас ваучеры стали синонимом очередного обмана граждан. Таким образом результаты деятельности этого творческого меньшинства оказались весьма противоречивы, а многие начинания попросту дискредитированы.

Началом перелома в восприятии либеральной идеи в обществе стал успех Жириновского на выборах 1993 г., продемонстрировавший отношение значительной части населения к либеральным реформам. Тем не менее культурная гегемония либеральных ценностей пока сохранялась. Либеральная идея, подвергаясь все возрастающей критике, оставалась наиболее значимой в ельцинской России. Перелом наступил в августе 1998 г. И дело здесь не в гибели нескольких банков и временном ухудшении качества жизни средних слоев – в конце концов сейчас почти все восстановили свои позиции. Прежде всего, в августе 98-го произошел мощный культурный надлом творческого меньшинства, точнее, значительной его части. Тем более что к тому времени первоначальный романтический порыв почти полностью иссяк, зато усилились оппортунизм, готовность к компромиссам, способность к мимикрии, стремление приспособиться к любым условиям. В результате многие «знаковые» фигуры творческого меньшинства стали прелюдно отказываться от либеральных ценностей в пользу входивших в моду «государственнических», а то и еще хуже, – от общественных ценностей вообще, как в ставшем культовым фильме «Брат-2» с его неприязнью ко всем, кто «не брат», – от негров до украинцев.

**Модификация
политического
режима**

Изменения в обществе повлекли за собой перемены и среди представителей «политического класса». Типичный российский политик стал более профессиональным. Вот уже семь лет мы проводим регулярные опросы депутатского корпуса, и наш последний опрос показал: на экстремах (идеологических полюсах) народных избранников становится меньше. Большинство из них – в центре. Прагматичность, профессионализм, готовность учитывать разные интересы – вот что отличает нынешнего депутата. В отличие от прежней идеологически поляризованной Думы, сегодня разница между левоцентристами и правоцентристами почти не просматривается.

Но элита (губернаторы, олигархи, депутаты) в своем большинстве внутренне не готова встать во главе реформ. Власть же, хотя часто и делает ошибочные шаги, понимает, что проводить реформы надо, что всерьез ссориться с Западом нельзя и т.д. Она осознает эти ограничители куда лучше элиты, которая вчера призывала «идти на Запад», а сегодня порой твердит о необходимости отгородиться от магистрального пути развития мировой цивилизации. Конечно, нынешняя российская власть вовсе не является «единственным европейцем» в стране, но она единственный праг-

матичный европеец, обладающий к тому же ресурсом для реализации своих начинаний. Власть прагматична, а либеральные реформы в экономике как раз и вписываются в прагматическую установку.

Идеологизированность нашего общества потихоньку начинает исчезать. Учитывая это обстоятельство, Кремль открыто стремится создать двух-трехпартийную систему, систему «технических» партий. «Идеологическим» партиям грозит политический тупик. У нас уже есть так называемое политическое гетто – КПРФ. Это люди, которые в результате преобразований утратили статус. Они испытывают ностальгию по прошлому и жаждут реванша, реставрации. Поэтому Коммунистическая партия, основу электората которой составляет такое «политическое гетто», не может быть неидеологической.

Другая идеологизированная сила – либералы, неважно, в форме СПС, «Яблока» или единой либеральной партии. Те десять, максимум пятнадцать процентов избирателей, которые вестернизированы, жестко ориентированы на определенный тип реформ, – это устойчивое идеологическое меньшинство. Они – представители и прямые наследники того самого «творческого большинства», которое было инициатором перемен.

Последовательно либеральный электорат расколот на СПС и «Яблоко». «Яблоко» все больше тяготеет к оппозиционности, время от времени пытаясь вступить в диалог с властью. СПС поддерживает власть в экономической сфере, но зачастую расходится с ней в политике. Долго оставаться в таком положении СПС не сможет – ноги будут разъезжаться. Если же власть в политике все же последует тем же курсом, что и в экономике, либералы, конечно, станут ее партнерами – разумеется, в обозримом будущем младшими.

А большинство населения – большинство обывательское – реактивно. Именно оно может стать основой деидеологизированных партий, государственных партий, партий власти. Власть сегодня деидеологизирована максимально: это касается и принятия решений, и опоры на конформистский электорат. И на тот электорат, который можно «подгрести», как это было в 1999-м и 2000-м. Эта тактика – тактика консолидации конформистов, государственников и части либералов – наверняка будет использоваться, поскольку она весьма эффективна. Слияние «Единства» и «Отечества» выходит далеко за рамки реструктуризации «пропрезидентского большинства» в Государственной Думе, ставшего неизбежным после инициативы КПРФ с вотумом недоверия правительству. По существу, речь идет о начале реинтеграции партии власти, расколовшейся осенью 1999 г.

Но создать одновременно партию власти и конструктивную оппозицию невозможно. Поэтому проект, созревший после пре-

зидентских выборов в недрах президентской администрации, не реален. «Нормальная» оппозиция в лице КПрФ исключена: электорат коммунистов питается другими надеждами. КПрФ как партия работает «внутри системы» и не нарушает правил игры, но опирается на активистов и избирателей, которые настроены «антисистемно». Она «о двух головах»: одна смотрит на власть, другая на электоральные настроения. Максимум, на что способна эта партия, – управлять «политическим гетто» из соображений социальной стабильности и собственного самосохранения. Это очень важная функция, но для создания конструктивной оппозиции она бесполезна: сегодня господствует одна голова, завтра – другая. Те же «две головы» у либералов, и они также могут в любой момент отвернуться от власти. Единственное, с чем будет покончено, – с большим количеством партий. Из более чем 140 зарегистрированных сегодня к выборам 2003 г. останется на порядок меньше, а реальные шансы на успех будут иметь 6–8 партий.

«Ельцинское» общество – общество, построенное на порыве творческого меньшинства конца 80-х – начала 90-х, – не могло оказаться долговечным. Было ясно, что оно не переживет своего создателя, что на месте хаотичных горизонтальных связей надо строить вертикаль, а большинство населения востребует лозунг порядка. И ясно, что второй президент придет с идеей порядка. Путин – логическое завершение ельцинского режима. Не точка, а новая фаза.

Путин разрушил систему сдержек и противовесов. Он ликвидировал «горизонтальную» систему власти. Есть губернаторы, депутаты и «олигархи», но ни одна из этих групп больше не может претендовать на то, чтобы противостоять федеральной исполнительной власти. Президентская вертикаль стала основной. По форме режим по-прежнему ельцинский, да содержание его выхолощено. Он не авторитарный. «Вертикальная» иерархическая система одержала верх над «горизонтальным» хаосом. Такой политический режим можно назвать «моноцентристским».

В. Путин пытается уйти от бюрократического стиля руководства. Этим объясняется начавшийся поиск компромисса со значимыми общественными силами, прежде всего с губернаторами и бизнес-элитой. Осознавая, что «иерархия винтиков» лишена перспективы, он в большей мере готов учитывать мнения элиты. Еще летом 2000 г. наш Центр политических технологий высказал предположение о движении Путина в сторону компромисса. Сегодня оно начинает сбываться.

Посмотрим на региональный уровень. Губернаторы, казалось бы, потеряли в политическом весе. Но выборы стали намного более напряженными. По данным одного из наших последних исследований, средний конкурс на губернаторское место в кампаниях осени и зимы 2000–2001 гг. – 6,1 кандидата на место, а в 1996–1997 гг. – 4,7.

Так что даже губернаторы не могут опираться только на административный ресурс. Олигархов оттеснили от федерального уровня – они сразу перешли в регионы. Победы Хлопонина, Золотарева и Абрамовича свидетельствуют об этом со всей очевидностью. Регионов с абсолютным доминированием губернаторов не так много, в остальных политическая конкуренция налицо.

В логике бюрократической системы, которую представлял собой режим президента Путина в первый год его правления, были востребованы чиновники. Но в структуре, основанной на небюрократическом лидерстве, предполагающей учет интересов элиты (к которой эволюционирует сегодня политика президента), необходимы игроки другого типа – элиты и грамотные политические технологи. Ведь технолог еще и посредник между властью и элитными группами.

Российская исполнительная власть не пошла на поводу у тех «технологов», которые готовы ради достижения эффекта подавления буквально на все. Власть выбрала другие приоритеты: действительно технологичное решение реальных проблем, стоящих перед страной. Логика политических решений второго года правления говорит о стремлении Путина создать институциональные условия для длительного экономического роста. К настоящему времени «моноцентризм» нового политического режима описывается формулой: «единство власти при плюрализме элит».

**«Новый демиург»
российской
политики: штрихи
к портрету
В. Путина**

«Заколдованный» рейтинг

Рейтинг Владимира Путина остается крайне высоким – несмотря на то, что время его первого срока президентства уже близится к середине. Чем объясняются такие устойчивые симпатии россиян к лидеру, о котором совсем недавно знал только весьма ограниченный круг людей? На мой взгляд, путинский рейтинг связан с тремя ключевыми составляющими.

Первая составляющая рейтинга Путина – безальтернативность. Ни один российский политик не смог предложить и обозначить в СМИ более привлекательную концепцию развития России, которая носила бы модернизаторский характер, но со «знаковыми» жестами в сторону традиционалистов (реформаторам – либеральные законы и рыночную экономику, людям «старого мышления» – гимн Александрова и Красное знамя для Вооруженных сил).

Вторая составляющая – положительный имидж в сравнении с Ельциным. Путин пришел к власти на волне недовольства политикой и стилем руководства первого российского президента. Самым острым было ощущение незащитности перед террором – и Путин выступил в роли «военного вождя», непримиримого борца с террористами. Всеобщим стремлением к порядку объяс-

няется столь положительное восприятие путинской федеративной реформы. На фоне Ельцина дееспособный, энергичный и откликающийся на общественные запросы Путин выглядел особенно выигрышно.

Ельцинская «безответственность» (от «лягу на рельсы» до постоянной смены премьеров в 1998–1999 гг.) выгодно оттеняется путинской подчеркнутой «ответственностью за все». Ельцинская слабость и бездеятельность в последние годы правления – путинской энергией и активностью как внутри страны, так и во внешнеполитической сфере. Ельцинская готовность «подстраиваться под Запад» – путинским «государственничеством», подчеркнутым желанием отстаивать национальные интересы в сочетании с продолжением диалога с Западом. Ельцинское равнодушие к судьбам подчиненных (нашедшее свое отражение в знаменитых «рокировочках») – путинской способностью «не сдавать своих». Ельцинская отдаленность от проблем «простых людей» – путинской внешне ярко выраженной «отеческой» заботой о россиянах.

Последнее обстоятельство играло очень важную роль, поскольку было связано с третьей составляющей высокого рейтинга Путина – надеждой на лучшее, появившейся вместе с новым президентом. В принципе, такое происходит с любым новоизбранным главой государства, но непоколебимо высокий рейтинг Путина был буквально «заколдован» надеждой, которую возложило на президента общество. Надежды эти были весьма неопределенны и не слишком завышенны, что объективно работало на Путина. Молочных рек и кисельных берегов от него никто не ждал (как в свое время от Ельцина).

При Ельцине социальная безответственность стала составной частью имиджа власти. Люди ощущали, что власть их бросила, что ей нет дела до их нужд. И как бы в ответ на эти ощущения появляется «новый Путин», который уже не грозит «замочить» кого надо «в сортире», а общается с простыми людьми, прислушивается к их пожеланиям. Образ Путина становится «мягче», снижается «царственный» фактор, усиливается «отеческий». Об этом говорили результаты качественных социологических исследований, проведенных ЦПТ.

Россияне устали жить в состоянии постоянного напряжения. Они хотят спокойствия и с удовольствием соглашаются с тем, что кто-то будет думать о них и, может быть, даже за них. При Путине они обрели относительную стабильность. Ушел в прошлое август 98-го. Оживилась экономика. Сведены к минимуму задержки с выплатами пенсий и зарплат бюджетникам. Сами пенсии и зарплаты, хотя и ненамного, но растут. Непопулярные реформы (в первую очередь жилищно-коммунальная) пока еще только маячат на горизонте.

Военный вождь, жесткий лидер уступает в сознании избирателей место покровителю, который «отвечает за все» и принимает необходимые (обычно, с точки зрения опрашиваемых, правильные) решения. 10 лет «вольницы» еще более усилили тягу большинства обделенных реформами россиян к патерналистским отношениям, когда достаточно внимать лидеру и не пытаться самому разобраться в хитросплетениях большой политики. Поэтому путинскому образу не наносит урона уменьшение масштабовности, отсутствие признаков «царственности». Они компенсируются чертами, сближающими президента с простым человеком, – человечностью, порядочностью, желанием работать.

Длительное время все эти три составляющие – безальтернативность, контраст с Ельциным и надежды – не просто обеспечивали высокий рейтинг Путина. Они создавали вокруг его фигуры чрезвычайно выгодный эффект когнитивного консонанса, или согласованности различных установок, когда в человеке воспринимаются только положительные черты и позитивные поступки, а любой негатив игнорируется. Люди не хотят разрушать положительного образа главы государства, так что соотношение между «позитивом» и «негативом» еще долго будет разрешаться в пользу позитивных для Путина оценок.

Дело в том, что негативное отношение к президенту ассоциируется с потерей социальной стабильности, национальной идентичности, веры в будущее. Общество доверяет Путину так сильно, что готово отказаться практически от всякой критики в его адрес. Любая попытка критического подхода к действиям лично президента воспринимается большинством негативно. Отсюда явное неприятие точки зрения критиков Путина среди большей части общества: антипутинские аргументы не воспринимаются изначально, даже если они исходят от людей, весьма популярных в ельцинский период. Исследования ЦПТ показали, что в проблемах и неудачах российские граждане обвиняли всех, кого угодно, – кроме президента. Это соответствует и данным опроса ВЦИОМ, где почти половина респондентов не нашла у Путина ни одного отрицательного качества. Ответственность за те или иные экономические решения возлагается значительной частью населения не на главу государства, а на правительство, что вполне соответствует старой российской традиции: «царь хорош, бояре плохи».

Что происходит с этими тремя составляющими рейтинга в настоящее время? Путин продолжает сохранять статус безальтернативности. Это, пожалуй, единственный его ресурс, который не подвергся эрозии. Чего нельзя сказать о двух других. По мере того, как ельцинская эпоха уходит в прошлое, эффект сравнения работает все меньше. Об этом свидетельствуют исследования Центра политических технологий. Целый ряд существенных проблем, которые имели место в начале правления Путина, до сих пор не

решен. Речь идет о существенном улучшении экономического положения (причем как на макро-, так и на микроуровнях), борьбе с коррупцией, Чечне. Отсутствие решения начинает отражаться на отношении населения к президенту.

Надежда, связанная с Путиным, не исчезает. Ему по-прежнему приписывают положительные личные качества, его по-прежнему считают достаточно «человечным» президентом, который не ставит себя выше простого россиянина. Но сказывается накопившаяся усталость. Эффект когнитивного консонанса слабеет и иногда дает сбои. Количество претензий к президенту растет. Упреки в отсутствии перемен звучат все чаще. И все чаще говорится об условной поддержке (с характерным словом «пока»). Правда, явное разочарование сторонников отчасти компенсируется улучшением отношения со стороны его первоначальных противников. Но в целом имидж Путина ухудшился: он утратил масштабность, силу и теплоту.

Для части общества активная деятельность Президента начинает восприниматься как пустая суета, а его осторожность – как нерешительность и несамостоятельность. Цели и планы Путина для большинства по-прежнему остаются неясными, но при этом они перестают вызывать интерес. Общество демонстрирует признаки нетерпения, оно явно пресытилось разговорами о планах и хотело бы увидеть реальные действия. Потенциальную опасность для рейтинга Путина представляют и начинающиеся реформы, прежде всего, земельная, жилищно-коммунальная и трудовых отношений. При недостатке информации они уже вошли в общественное сознание, причем в основном со знаком минус.

Правда, осложнение международной обстановки из-за терактов в США и военной операции в Афганистане неожиданно создало новый ресурс для укрепления рейтинга Путина. В этих условиях обычно бывает востребован политический лидер с репутацией «сильного человека», искусно сочетающий решительность и осторожность. Эти свойства путинского имиджа, отошедшие в 2001 г. на второй план, могут быть актуализированы – особенно если российскому президенту удастся достойно выстроить отношения с США.

«Лиса» и «лев» российской политики

Владимир Путин пришел к власти, не имея четкого и ясного представления о том, что и в какие сроки он намерен делать. И это неудивительно: в Кремле он оказался все-таки достаточно неожиданно, и ему, естественно, требовалось время для того, чтобы адаптироваться в своем новом качестве. Тем не менее уже тогда можно было выделить четыре главных направления, в которых он намеревался действовать: это трансформация системы власти, продолжение экономических реформ, изменение статуса России в мире и, наконец, завершение войны в Чечне.

Что получилось? Ясно, что президентская вертикаль укреплена, заодно ослабив все остальные политические институты, еще совсем недавно бывшие ее противовесами. Сегодня возможность контригры против Кремля действительно равна нулю, настоящей и сильной оппозиции президенту не существует, а значит, возникают некие новые реалии, которые еще не являются «головной болью» президента, но могут стать, если от них отмахнуться. Стараюсь минимизировать автономию политических игроков, Путин перешел некую грань, за которой те, естественно, начали искать способы самозащиты.

И – что интересно – вполне успешно их нашли. Скажем, олигархи ушли из федеральной политики, но, с одной стороны, в рамках РСПП образовали крупную коалицию, способную оказывать лоббистское давление, в том числе и на президента, с другой – переместились в регионы, то есть и в новых условиях нашли автономное поле для своей деятельности. То же с губернаторами, которые вроде бы и лишились многого, но теперь идет более ожесточенная, чем прежде, борьба за пост главы субъекта РФ: вес кресла сегодня достаточно значим. Особая статья – «медиа-магнаты» – Березовский с Гусинским. Их просто вытеснили за пределы политического поля.

Нанеся очень сильный удар по основным политическим институтам, Путин был вынужден все-таки согласиться на их относительную автономию. Система сдержек и противовесов с самого высокого уровня плавно перетекла вниз. Составляющие ее субъекты больше не претендуют на право называться реальной оппозицией президенту, но хотят подлинной автономии; отказавшись от политических суперамбиций, требуют своего поля деятельности. Сегодня никто не может бросить вызов президенту Путину, как это было при президенте Ельцине. Путин работает методично, рационально, выстраивая элемент за элементом новую систему отношений властных элит. Но общество, в которое входят и элиты, не может быть организовано как машина. В нем все равно будет идти борьба, и тут всякий «архитектор» бессилен. Жизнь сложнее схем, которые представляются кому-то рациональными.

Тем не менее Путин создал президентскую вертикаль, пусть и своеобразную. Эксперты считают, что Президент по степени влияния на голову превосходит всех остальных политических деятелей. Его рейтинг в общественном мнении, где он один занимает место всей политической элиты, также высок. Является ли опорой для президента выстроенная им вертикаль – вопрос, но то, что у нее две «ноги»: с одной стороны, бюрократическая, с другой – харизматическая, очевидно.

Владимир Путин – человек, в котором редким образом сочетаются два типа политического лидера. Он «лев» и «лиса», в отличие от Бориса Ельцина, который на посту президента был типич-

ным «львом» и предпочитал «разрубать» ситуации. В течение первого года Путин «по-львиному» действовал не очень часто. Например, в конфликте с Гусинским он типичный «лев», который, похоже, идет до конца, хотя из тактических соображений порой и отступает. Как «лев» действовал он, «разрушая» Совет Федерации, осуществляя «кадровую революцию» в «силовом блоке», смещая Р.Вяхирева с руководства Газпромом, пойдя на решительное сближение с Западом после терактов 11 сентября. Но больше Путин – «лиса», и вся его политика, его политический стиль – это метод проб и ошибок. Он будто проверяет, насколько холодна вода, и идет вперед только в том случае, если убежден, что не встретит сопротивления. Когда сопротивление обнаруживается, он действует гибко, порой, если надо, расчетливо отступает.

Он согласился на постоянные встречи с РСПП и готов поддерживать с ними регулярные контакты. Для разрушенного СФ создал Госсовет, не стесняясь, как «лиса», компенсировать ущерб и установить союзнические отношения. Он не считает зорным остановиться, перегруппироваться, провести позиционные маневры, не будет рисковать понапрасну. Он хотел бы быстро и решительно провести либеральные реформы, но понимает, что сегодня это невозможно. И, сохраняя общую ориентацию на модернизацию, действует медленно. Из двух вариантов решений, скажем, по земле, он выбирает менее реформаторский, ограничивает темпы реформы жилищно-коммунального хозяйства и пенсионной. Он готов двигаться, но старается не провоцировать социальные катаклизмы, снижающие рейтинг. При этом Путин-политик никогда не забывает цель, ради которой он начал играть ту или иную партию и в которой он рассчитывает только на победу.

Сейчас в России экстраординарные меры не нужны: страна испытывает потребность не в диктатуре, а в элементарном порядке, в новой идеологии прагматической государственности. И в этом смысле Путин – тот человек, которого страна ждала. Не Степашина, не Примакова, а именно Путина. В свое время мы не придали большого значения тому взлету национального самосознания, который последовал за марш-броском наших десантников в Косово и акциями протеста у американского посольства. Мы считали, что после Ельцина народ хочет застоя и покоя. Но оказалось, что людям нужен не аморфный покой, а порядок и психологическая компенсация за ущемленное национальное самолюбие. Известное путинское «мочить всех в сортире» и было, по сути дела, такой компенсацией.

Пришел рациональный и жесткий менеджер с дисциплиной офицера; и общество, уставшее от хаотических горизонтальных связей, переориентировалось на Путина, стало воспринимать его как идеальный вариант, особенно после августа 1998 г., когда либеральная идеология, сохранявшая культурную гегемонию, провалилась.

В чем сегодня главная опасность для Путина? На мой взгляд, она состоит в надеждах, которые не сбываются. И хотя ожидания российских граждан никогда не были чрезмерными, надо быть начеку. Государство в целом соблюдает социальный контракт с обществом и по мере возможностей выплачивает зарплату, пенсии, пособия. Но уже накоплен большой объем неудовлетворенных ожиданий. В условиях складывающейся экономической ситуации, социальной нагрузки на бюджет, инфляции, неопределенности в отношении цен на нефть и пр. – на них все труднее отвечать. В 2000 г. избиратели наделили Владимира Путина качествами кудесника, а жизнь идет по своим законам, не подвластным никому.

**Модернизация
и моноцентризм:
возможно
противоречие**

Политическая логика модернизации подталкивает Кремль к расширению союза с передовым сектором общества, прежде всего, с наиболее «продвинутыми» отрядами элиты, к обновлению политической стилистики (демилитаризация и большая открытость), определенности в отношении внешнеполитического курса и перенесению главного акцента на сотрудничество со странами Запада.

Вместе с тем политика модернизации не нарушает особого «путинского формата» преобразований (реформы+порядок), который обеспечивает стратегическую ориентацию «большой реформы» на укрепление российского государства. Этот формат предусматривает:

- закрепление ведущей политической роли за государством;
- чувствительность к интересам и настроениям социально слабых слоев;
- приоритетную роль сохранения политической стабильности внутри страны в ходе реформ;
- повышение внимание к вопросам безопасности в системе международных отношений по сравнению с периодом правления Б.Ельцина.

Сохранение общего формата перемен приводит к тому, что либерализация экономики и модернизация государства сопровождаются консолидацией политического контроля в руках Кремля. Рамки политических событий остаются прежними: «большая реформа» идет рука об руку с укреплением моноцентрической политической системы.

Конкретными формами, обеспечивающими «встраивание» модернизации в замкнутую на Кремль систему власти, стали:

- деавтономизация ключевых политических институтов и игровых и установление над ними контроля из центра;
- новая иерархия взаимоотношений, предусматривающая закрепление высших ранговых позиций за федеральной административной элитой;
- сужение зоны конфликта за счет перевода системы принятия ключевых решений в «режим консультирования» (с губернаторами, элитой бизнеса и парламентской элитой).

Второй этап начатых Кремлем преобразований характеризуется напряжением между политической логикой модернизации и «путинским форматом», выстроенным по формуле «реформы+порядок». На этот раз потенциальные очаги новых конфликтов могут возникнуть не только во взаимоотношениях с элитами и обществом, как это было в первый год правления, но и внутри политического режима В.Путина – между модернизацией и «недружелюбным» идеологическим климатом, между «продвинутыми» группами и социальной периферией в пропрезидентском большинстве, между «силовиками», высшими административными кадрами и большим бизнесом.

Другими словами, второй этап способен перевести противоречие между модернизацией и моноцентризмом из латентного состояния в фазу открытого конфликта. Дальнейшая судьба модернизационного проекта В.Путина будет зависеть не только от способности стартовавших экономических реформ достичь своих ближайших целей. Многое будет определяться и тем, насколько успешно перегруппируется политическая база Путина в элитах и в обществе и насколько она сможет вписаться в политическую систему, определяющую формат преобразований.

Сценарии будущего

В преддверии XXI в. в России началась новая политическая эпоха, связанная с именем нового президента. На этом рубеже мы в Центре политических технологий решили обрисовать контур развития российского государства и общества в первые годы нового века. Условным «горизонтом», до которого простирается наш аналитический взгляд, будем считать конец текущего электро-цикла, т.е. 2004 г.

Вектор политического развития

Общий итог развития политической системы России в путинскую эпоху – укрепление вертикали исполнительной власти. Отметим, однако, что оно достигнуто в первую очередь за счет ослабления всех других властных институтов. О большей эффективности государства или о более четко работающей бюрократии говорить пока не приходится. Пресловутая «вертикаль» становилась сильнее путем размывания или откровенного разрушения сдержек и противовесов, сложившихся при прежнем правлении:

– Правительство превратилось в чисто технический институт, который обладает свободой действий лишь в тактических вопросах экономической политики. «Силовая» сфера и региональные вопросы оказались в ведении президентских структур, которые по Конституции даже не считаются исполнительной властью. Консолидация контроля над «силовым блоком» превратила его в политическую опору Президента внутри исполнительной власти;

– В Думе отлаженно действует механизм «проправительственного большинства», который позволяет президентской власти находить искомое количество голосов по любому вопросу – от либерального налогового кодекса до советского гимна. За полтора года сменилась лишь политическая формула: от «подвижного большинства», основанного на соглашении с оппозицией, в первый год правления – к большинству, представленному коалицией «широкого центра» (второй год);

– Совет Федерации не просто ослаблен, он лишен роли «корпорации губернаторов». Губернаторы перестали быть федеральными политиками, они оказались под надзором президентских полпредов и живут с ощущением угрозы отстранения от должности.

– Партии привыкают к новой политической реальности, при которой публичная политика и парламентская трибуна не способны обеспечить их лидерам высокое место во власти. Принятый закон о партиях поставит даже крупнейшие из них под контроль исполнительной власти;

– «Олигархи» оттеснены из «кухни» большой политики на ее «заднее крыльцо». Но и эта роль уготована лишь тем из них, кто проявляет абсолютную политическую лояльность. Упорствующие в оппозиционности оказываются за пределами правового поля и за рубежами России;

– Средства массовой информации перестают быть «четвертой властью» или, что фактически то же самое, «эрзацем» политической оппозиции и гражданского общества. Федеральные телеканалы, сначала ОРТ, а затем и НТВ, буквально на глазах превращаются в составную часть «моноцентричного» политического режима.

Кажется парадоксом, что формально система разделения властей почти не претерпела изменений. Политический плюрализм сохраняется, свобода ассоциаций и политических партий не ставится под сомнение; свобода слова и свобода печати также имеют место, если не считать некоторых ограничений. Но все оппозиционные институты выхолощены: на сегодняшний день не существует ни «институциональной площадки», ни ресурсной базы для принципиальной политической оппозиции. Возможности «контригры» против президентской власти близки к нулю.

Критика президента в элитах остается уделом одиночек и не носит систематического характера. Немаловажно и то, что политический стиль, преобладающий в Москве, часто предусматривает демонстрационный эффект для региональных политиков. В период массовых губернаторских выборов возникает нетипичный для России прошлых лет феномен: конкуренция за власть между некоммунистическими политиками на уровне субъекта Федерации носит гораздо более реальный характер, чем политический плюрализм в центре. Но даже с этой оговоркой можно

ожидать, что в региональной политической жизни линия на «подмораживание» политического плюрализма получит дальнейшее развитие.

Развилка на ближайшие годы состоит в том, остановятся ли «деавтономизация» политических субъектов на уровне, близком к нынешнему, или получит дальнейшее развитие. Разумеется, баланс полномочий нестабилен по определению. «Обратный ход», т.е. восстановление институционализированной оппозиции центральной власти, в ближайшие годы вряд ли реален. Но определенные очаги «автономной политики» в обществе сохраняются:

- Сильнейшим ограничителем авторитарной тенденции остаются регулярные, привычные для общества выборы, как федерального уровня (в первую очередь – думские), так и губернаторские и мэрские. Четвертая Дума может быть гораздо менее лояльной, чем нынешняя, если партии власти не удастся повторить свой ошеломительный успех;

- Элиты лишились значительной части политических ресурсов и политической автономии. Но они сохранили «корпоративную автономию», а значит – и потенциал независимого поведения;

- Относительную автономию от исполнительной власти имеет судебная система. Не становясь в лобовую оппозицию, она тем не менее может ограничивать «исполнительную вертикаль» в конкретных вопросах;

- Средства массовой информации утратили возможность для последовательной оппозиции власти или «лобовых» атак на президента, но в принципе свобода слова, в том числе и свобода критики, сохраняются.

Все сказанное выше не предполагает формирования политической оппозиции режиму в обозримом будущем. Однако если эти «очаги автономии» в политическом сообществе не будут «раздавлены», со временем они начнут восстанавливаться – не обязательно как оппозиция, но по крайней мере как самоуправляемый субъект политики, стремящийся к равному диалогу с властью и влиянию на нее.

Власть и общество: статьи «социального контракта»

Ключевой долгосрочной проблемой в отношениях между властью и обществом является степень общественного консенсуса в восприятии власти. С приходом Путина эпоха противостояния коммунизму подошла к концу. Крупнейший идеологический сегмент общества перестает быть «контркультурой», способной претендовать на роль единственной принципиальной альтернативы вектору развития страны, и начинает превращаться в обычную субкультуру, хотя и самую крупную. Либеральная субкультура, ориентированная на развитие России по «европейскому

пути», в ближайшие годы также значительно не расширится: первый запал «западного либерализма» иссяк, а новой «либеральной волны», которая могла бы привлечь под свои знамена электорально значимые группы сторонников, в ближайшие годы не предвидится.

Более того, «идейный почерк» новой власти лишает либералов роли творцов «восходящей культуры», которая со всеми оговорками воспринималась как общий ценностный вектор развития страны. Нагляднее всего о такой перемене свидетельствует принятие «нового старого гимна», заставившее либералов вступить не в политическое, а идеологическое противостояние с властью. Разумеется, и коммунистическая, и либеральная субкультуры продолжат свое существование и останутся идейными антиподами, но противостояние между ними не будет определять главной интриги российской политики.

Большая часть общества не имеет четких идеологических пристрастий и, следовательно, будет оценивать власть, исходя из достаточно прагматических соображений, которые могут быть названы «неявным социальным контрактом». Такой «контракт», заключенный между средним россиянином и Путиным на президентских выборах, имел своим главным пунктом «порядок» – как с выполнением государством своих основных обязательств (своевременные выплаты зарплат и социальных платежей), так и с обеспечением хотя бы минимально приемлемого уровня общественных благ (public goods). Непременный элемент этого социального контракта – «патриотизм», под которым следует понимать гарантию от реальных или виртуальных унижений России на международной арене или со стороны чеченских сепаратистов. Кстати, с таким понятием «порядка» и «патриотизма» вполне совместим советский гимн.

Следовательно, в ближайшие годы не следует ждать новой идеологической конфронтации – в этом смысле «амплитуда противоречий» стала гораздо меньше по сравнению с 90-ми годами. В фокусе общественного внимания будет степень соблюдения государством основных «статей» неписаного контракта. Очевидно, что выполнение контракта возможно лишь в условиях экономического роста, который позволит не только повысить жизненные стандарты, но и утвердить в России уважение к «правилам игры» в общественной и деловой жизни.

Ловушка для власти кроется в вероятном росте «относительной обездоленности» общества: как свидетельствуют данные социологов, и политические, и экономические ожидания общества находятся сейчас на достаточно высоком уровне. Если на фоне этих ожиданий экономическая обстановка будет развиваться по неблагоприятному сценарию (падение цен на нефть, неполучение отсрочек по кредитам, задержки социальных платежей и т.п.),

«зazor» между ожиданиями и реальным социальным самочувствием общества начнет расти.

В то же время Путин не просто сохраняет высокий кредит доверия – он персонифицирует надежду россиян на «установление порядка» и остается безальтернативным для общества лидером. Такое уникальное положение президента будет амортизировать возможные разочарования, поэтому процесс спада популярности власти вряд ли примет «обвальный» характер.

Развилка, следовательно, состоит в том, сумеет ли власть удержать под контролем кризисные явления, или разочарование общества станет устойчивым. В первом случае «партия власти» имеет все шансы успешно пройти ближайший электоральный цикл; во втором – следует ожидать популистской оппозиции режиму, которую могут оседлать пока неведомые нам политические лидеры.

Перспективы государственного строительства

В сфере государственного строительства очень важно соотношение экономической и административной реформ. Весной 2001 г. В.Путин сделал принципиальный выбор в пользу масштабной модернизации страны. Это означает, что административная реформа проводится не сама по себе, она призвана создать условия для проведения экономической реформы (унификация законодательства, создание и соблюдение прозрачных «правил игры» и т.д.).

В то же время стало ясно, что «второго издания» гайдаровской шоковой терапии не будет. Путин старается избегать роста социальной напряженности. Если удастся сохранить единую политическую логику в проведении экономической и административной реформ, станет возможным создание единого национального рынка, совместимого с мировым. Но если экономическая реформа начнет «буксовать», то административная реформа станет самодовлеющей. И в результате вместо интегрированного национального рынка возникнет единое «тягловое пространство», где будут хорошо собираться налоги, но стимулы к развитию рыночной экономики начнут затухать.

Ключевое значение для судьбы режима приобретает эффективность государства. Пока, как отмечалось выше, укрепление исполнительной власти носило почти виртуальный характер – за счет удачного начала военной кампании в Чечне, ослабления других институтов власти, знакового повышения внимания к правоохранительным органам. Однако построение действительно сильной государственной машины требует долгосрочных и трудных реформ – создания действенных «приводных ремней» между столицей, федеральным округом, субъектом федерации и городом/районом; реформы госаппарата, утверждения «прозрачных»

правил общения гражданина или предпринимателя с чиновником. Наконец, отдельный и болезненный процесс – военная реформа. Если реформы окажутся относительно успешными, это сработает на укрепление порядка и поддержание «социального контракта» власти с обществом. В противном случае Россию ожидает «бюрократический эрзац» порядка, при котором «накачавшие мышцы» чиновники будут еще в большей степени, чем сегодня, работать на самих себя.

Социальная дифференциация

Одна из особенностей «десятилетия транзита», пережитого Россией, – вопиющие социальные диспропорции. Это касается как разрыва в уровне дохода между богатыми и бедными, так и различий между бедными и богатыми регионами, между «точками роста» и депрессивными отраслями. Пока острота этих диспропорций не будет смягчена, трудно надеяться на создание в обществе «критической массы», необходимой и для поступательного роста экономики, и для успеха социальных реформ (жилищной, пенсионной и т.д.), и для создания подлинного национального консенсуса по вопросу о пути развития страны. Масштаб социальной дифференциации сам по себе приводит к выводу о том, что скорого решения эта проблема не имеет.

«Условия успеха» в смягчении диспропорций вполне понятны: экономический рост, приток в страну инвестиций, снижение барьеров входа на рынок, установление прозрачных правил хозяйственной деятельности, вывод из «тени» как можно большей части экономики. Оговоримся, однако, что ни экспортная, ни импортозамещающая модели развития экономики не создают в ограниченные сроки «мультипликационного эффекта», способного вовлечь в экономический рост значимую часть новых секторов производства. То же справедливо и в отношении географических различий: за исключением крупнейших городов, вряд ли возможно вовлечение в «сферу роста» всего населения территории.

Коррупция и преступность

Практически тот же набор «рецептов» может быть рекомендован для решения еще одной большой проблемы российского общества – коррупции и преступности. Как и в ряде других случаев, развилку сценариев приходится проводить не между «плохим и хорошим», а между «сохранением плохого» (с пониманием, что хуже, наверное, уже некуда) и «некоторым улучшением». Универсализация правил экономической деятельности и «встряхивание» госаппарата могут ослабить остроту этих проблем; стабильный экономический рост побудит общество добиваться большей «цивилизованности» – коррупция может пере-

стать быть «почти легальной», «терпимой как неизбежное зло», но ее уровень еще долгое время будет превосходить средние мировые стандарты. При пессимистическом сценарии велик риск показательных кампаний по борьбе с коррупцией, которые обернутся еще большим прессом транзакционных издержек для субъектов экономической деятельности.

Чеченский узел

Может показаться парадоксом, что та тема, на которой Путин взлетел на вершину популярности, превращается в наиболее очевидный его провал: по всем опросам, падение положительных оценок президентской политики наиболее заметно именно в связи с «антитеррористической операцией». На самом деле ничего парадоксального в этом нет: высокая популярность войны осенью 1999 г. явилась следствием страха перед терактами (после взрывов домов) и ощущения «компенсации старых комплексов», которое было искусно разогрето официальной пропагандой. Однако российское руководство за все это время так и не выработало долгосрочной стратегии реинтеграции Чечни в состав Федерации.

Войскам удалось разгромить крупные бандформирования и разрушить единую систему управления партизанской войной, но отдельные диверсии со стороны боевиков могут продолжаться и продолжаться, а пророссийским чиновникам еще долго придется передвигаться по своей территории под усиленной охраной. Однако важнее все-таки другое: за исключением традиционно пророссийских северных районов Чечни, России так и не удалось ни примирить конкурирующие группировки чеченской элиты, ни переломить антироссийский настрой значительной части местного населения, которое по-прежнему помогает боевикам.

«Перетасовка» фигур из чеченской элиты и система управления ими из центра, далеко не идеальные отношения между военными и «нашими» чеченцами – только видимая «надводная» часть айсберга проблем, о которые грозит разбиться корабль «чеченской политики» Кремля.

Таким образом, проблема военно-полицейского режима управления Чечней, противодействия диверсиям и погони за террористами, а тем более – приучения чеченского населения к жизни в составе России приобретает затяжной и крайне болезненный характер. На этом фоне в обществе стала более популярной линия на «переговоры о мире», а не на продолжение войны. Б. Немцов от «полулояльной» фракции СПС выступил с инициативой мирного процесса. Дополнительные стимулы для корректировки политики в Чечне создает перспектива нового сближения с Западом, возникшая в связи с вступлением России

в коалицию государств, поддерживающих военную операцию США, направленную против очага международного терроризма в Афганистане.

* * *

Среднесрочный прогноз развития России не выглядит ни слишком оптимистичным, ни слишком пессимистичным. Для решения насущных проблем требуется более высокая эффективность государства, экономический рост и утверждение «нормальности» в общественной жизни – причем причины и следствия порой меняются местами – ситуация становится похожа на «замкнутый круг». Однако даже при наличии этих трудностей необходимо отметить, что по сравнению с прошлыми годами угрозы политических катаклизмов или резкого отката назад существенно ослабли. Действия властей более эффективны, а поведение политического класса – более предсказуемо. В целом влияние внутриполитических факторов на развитие страны стало, скорее, позитивным. Обозначились благоприятные для России сдвиги и во взаимоотношениях с внешним миром. Террористическое нападение на США привело к важным изменениям в мировой политике. Поддержка антитеррористической операции в Афганистане создала новое «окно возможностей» для выстраивания качественно иных отношений России с Западом. Более «дружественная» внешняя среда может серьезно облегчить продвижение страны по пути модернизации.